

Выступление

начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации –
первого заместителя министра обороны Российской Федерации
генерала армии Н.Е. МАКАРОВА

ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА ВОЕННОЙ НАУКИ – РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ НЕТРАДИЦИОННЫХ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Наиболее важными задачами в настоящее время являются разработки концепции нетрадиционных войн и вооруженных конфликтов, форм и способов вооруженного противоборства, теории управления войсками с учетом нового облика Вооруженных Сил, внедрение в повседневную практику боевой и оперативной подготовки автоматизированных систем управления, средств связи, построенных на основе компьютерных сетей.

ПРОВАЛЫ В ВОЕННОЙ НАУКЕ

Между тем классическое соотношение сил до сих пор почему-то применяется нами во всех расчетах. Но это давно не соответствует реальному положению вещей. Информационная составляющая, информационно-управляющая система, которые действуют во многих передовых армиях мира, почему-то не учитываются. Мы в этом отношении в течение двух лет не можем сдвинуться с мертвой точки. Научных разработок, как перейти к новым методикам и технологиям при подсчете соотношения сил с учетом новейших способов вооруженной борьбы и вооружений, нет. Есть определенные наработки, но они настолько примитивны, что не отображают реального положения вещей. После кампании 2003 года в Ираке нашей военной наукой, как и военным руководством, соответствующих выводов сделано не было.

Справедливости ради отмечу: еще в 80-е годы некоторые наши военные ученые пытались обосновать новый взгляд, в том числе на теорию бесконтактных войн. Но по ряду причин результаты этих исследований не были реализованы. То есть образовался своего рода провал. Поэтому мы плясали, образно говоря, на месте в течение длительного вре-

мени. Наука оказалась оторванной от войск, а войска – от науки.

Сейчас идет операция коалиционной группировки «Одиссея. Рассвет» в Ливии. Как и прежде, ведущая роль отведена высокоточному оружию. Но его надо не только уметь применять, а еще и иметь. Как и средства разведки, наведения, коррекции, целеуказания, без которых невозможно вести боевые действия. Коалицией в приоритетном порядке выводятся из строя критически важные объекты: элементы системы ПВО, авиационные базы, коммуникации, система государственного и военного управления, наносятся удары по войскам, поддерживающим Каддафи. Уже применены 203 крылатые ракеты «Томагавк», не считая высокоточных авиационных бомб, в том числе самонаводящихся.

У нас на сегодня пока этих средств мало. Но самое главное – нет полного ответа на вопрос: как расставить приоритеты в строительстве Вооруженных Сил? В последние 20 лет мы не сумели вывести военное искусство на современный уровень и продолжали жить устаревшими представлениями о характере современных войн. Это в то время, когда весь мир развивал критические технологии, информационно-управляющие системы, начал производить высокоточное оружие. У нас же ставка по-прежнему делалась на массовую армию и закупку у промышленности морально устаревшего вооружения. Мы просмотрели развитие новейших способов, а затем и средств вооруженной борьбы. В таком состоянии подошли к августу 2008 года, когда случился грузино-осетинский конфликт.

Он ко многому подтолкнул. Мы внимательно изучили опыт военного строительства ведущих западных государств, векторы развития Вооруженных Сил, представленные нашими военачальниками и военными учеными. Я проанализировал массу документов, различные пути реформирования армии. Например, предлагалось сократить Вооруженные Силы до миллиона человек, как требовал Совет безопасности РФ. При этом сохранить громоздкий мобилизационный компонент соединений и воинских частей сокращенного состава и кадра, которым на развертывание (по документам 2008 года) требовались месяцы. Почему? Потому что техника в частях сокращенного состава и кадра оказалась практически полностью неисправной. Или еще один путь – создать в каждом округе по одной армии постоянной готовности, а остальные иметь сокращенного состава и кадра.

Вот такие были варианты. Но грузино-осетинский конфликт вскрыл также целый ряд других глубинных проблем. К тому же времени на эксперименты у нас не оставалось. Нужно было срочно выводить армию из кризиса. Поэтому мы пошли на кардинальное реформирование даже при отсутствии достаточной научно-теоретической базы.

Было поставлено несколько задач, решение которых невозможно без участия военной науки: например, разработка новых форм и способов ведения боевых действий и на их основе переработка программных, уставных документов для оптимизации обучения. Мы не исключаем сегодня традиционных крупномасштабных войн. То оперативное искусство, которое существовало, вызывало и вызывает уважение, мы его не отторгаем. Но формы и способы ведения войн будущего будут другими. Их надо уметь предвидеть. Поэтому задача военной науки – работать на опережение, вооружить армию самыми современными установками на ведение войны, прежде всего с высокотехнологичным противником.

Для того чтобы командующий армией принял решение на ведение боевых действий, определил замысел, произвел другие расчеты, сегодня при подготовленном аппарате уходит 5–6 часов. Плюс столько же – на окончательное принятие решения. Итого – около 10 часов. Но за счет внедрения цифровых технологий, информационно-управляющих систем, продуманных программ обеспечения это время можно значительно сократить. На последних учениях, которые сейчас провел Китай, командармам потребовалось для этого всего 20 минут.

Мы порой просто не улавливаем такие моменты, не понимаем их. А надо улавливать и понимать, чтобы не поставить нашу армию в заранее невыгодные условия.

Проведена реорганизация военно-научного комплекса. Однако это пока не дало необходимых результатов в полном объеме. Имеющиеся наработки сегодня внедряем в практику войск, обкатываем в мероприятиях оперативной и боевой подготовки. Но без системного научного подхода Генеральный штаб иногда вынужден идти путем проб и ошибок. Серьезных научных разработок, которые могли быть взяты за основу, в том числе при написании программно-уставных документов, очень мало. А ведь у нас масса научных работников. В высших военных учебных заведениях России служат 1200 докторов и более 10 000 кандидатов наук. А проекты, которые разрабатываем уже два года, пишут, к сожалению, в основном офицеры Генерального штаба с подключением некоторых академий и Центра военно-стратегических исследований (ЦВСИ). Помощи от военных ученых особо не наблюдаем. В результате работа затягивается.

Наглядный пример – разработка главного документа Сухопутных войск – Боевого устава бригады. Была попытка сформулировать некоторые новые положения, прежде всего, те, что базируются на старых нормативных требованиях. Но без исследования изменившихся возможностей как своих, так

и иностранных войск в обороне и наступлении, вооружения и военной техники по дальности огневого поражения противника, рубежам и т. д. этого не сделать.

Надо провести реальные расчеты и уже на их основе готовить предложения. К сожалению, даже в докладах командиров это сегодня отсутствует. Меня учили в академии излагать свое решение «на основе проведенных расчетов». Но теперь этого нигде не услышишь. Все стали просто докладывать, а расчетов нет никаких. Доказательная мотивация резко снизилась, что надо срочно поправлять.

ШАБЛОНОМ ПО ИНИЦИАТИВЕ

Не решен вопрос и с системой управления. К сожалению, она развивалась, как ствольная конструкция. Своя система в каждом виде Вооруженных Сил, роде войск. На флоте – АСУ «Море», в Сухопутных войсках – «Акация», которые не сопрягались между собой. Похожая ситуация в ВВС, РВСН. Сейчас мы с трудом это ломаем.

В 2010 году сформированы полноценные межвидовые органы управления – объединенные стратегические командования (ОСК) как организационная система управления на ТВД. В то же время проблемным вопросом остается разработка технической основы перспективной информационно-управляющей системы ВС. Она должна быть основана на использовании единого информационного пространства, в котором интегрированы подсистемы разведки, наблюдения, навигации, опознавания, целеуказания, наведения, боевого управления, ряд других. Сейчас нами развернута работа по созданию макета единого информационного пространства.

Разработка программного обеспечения позволяет осуществлять сбор, анализ и оценку обстановки, отображение ее на электронной карте с мгновенной координацией всех объектов и целей, проведение расчетов и принятие обоснованного решения командующих и командиров. Но этот процесс также идет сложно. Дело не в отсутствии элементной базы, как часто у нас говорят, или слабости программистов, а в том, что на многих кафедрах военных вузов утеряно само понимание смысла работы командира, ее целей и задач, необходимости делать расчеты. Если почитать замысел на оборонительную или наступательную операцию, то окажется: он далеко не ушел от того, что делалось несколько лет назад. В нем ориентация не на творческий подход, а на шаблонные действия.

Сейчас мы перед командирами ставим задачу, чтобы замысел включал не более пяти предложений. Главное – суть. А уже потом – детализация, решение. Здесь важно преодолеть стереотипы мышления, на основе научного анализа оптимизировать алгоритм работы любого должностного лица. Лишь после этого можно приступать к процессу автоматизации. А пока нам по существу автоматизировать нечего.

И эта задача решается в основном силами офицеров войскового звена, хотя должна выполняться в

военных академиях и научно-исследовательских организациях. Но на основном факультете Академии Генерального штаба, например, отработан ряд научных тем, которые имеют мало отношения к тому, о чем я говорю. Скажем, тема «Основные проблемы организации партизанской борьбы и пути их решения в годы Великой Отечественной войны» уже многократно исследована и вряд ли имеет ныне практическую направленность.

Так, к сожалению, обстоит дело во многих военных вузах. Их диссертационная тематика абсолютно не соответствует современным требованиям. Такие диссертации мало что дают для развития военной науки, строительства Вооруженных Сил. Но теперь не только они, но и рефераты, курсовые, дипломы должны иметь прикладное значение. Мы приняли такое решение. Все темы экзаменационных работ по военной тематике будут согласовываться в Военно-научном комитете, утверждаться начальником Генерального штаба. А соискатели предварительно защищаются в Генштабе с учетом реализуемости и целесообразности диссертационных тем.

Мы вправе ожидать повышения эффективности и результативности работы также Академии военных наук. У нас есть еще Российская академия ракетных и артиллерийских наук. К ней тоже много вопросов. Хотя в этих научных заведениях собраны самые авторитетные ученые. Мы ожидаем от них реальной помощи. Но для этого академические специалисты должны знать проблемы войск, сопоставлять с ними свои предложения.

Считаю целесообразным усилить взаимодействие научно-исследовательских организаций, вузов, Академии военных наук при координирующей роли Военно-научного комитета Вооруженных Сил. Предусмотреть возможность подключения АВН в качестве исполнителя научно-исследовательских работ в рамках общего вклада в научные разработки для Вооруженных Сил. Повторю: нам нужны конкретные научно обоснованные предложения и рекомендации уже в 2011 году.

Соответствующие меры приняты и в отношении Военно-научного комитета (ВНК) Генерального штаба, в том числе кадровые. Там все были доктора наук, но это никак не отражалось на результатах работы. Мы преобразовали ВНК в Военно-научный комитет Вооруженных Сил, в интересах которых он и должен работать. Что касается Центра военно-стратегических исследований, то он теперь замыкается на Академию Генерального штаба. Почти весь блок научных оперативно-стратегических разработок будет сосредоточен именно там.

У нас есть концепция создания воздушно-космической обороны до 2012 года. В ней расписано что, когда и как делать. В этом важнейшем для страны и государства вопросе мы не имеем права ошибиться. Поэтому некоторые позиции концепции сейчас пересматриваются. Орган управления ВКО формируется при Генеральном штабе, и управлять им будет также Генеральный штаб. Надо понимать, что Космические войска — это лишь один элемент в системе

ВКО, которая должна быть многослойной по высотам и дальностям, интегрировать уже имеющиеся силы и средства. Сейчас их пока очень мало. Мы рассчитываем на выпуск продукции ОПК, которая пойдет буквально со следующего года.

Что касается систем ПВО, которые переданы в округа, то никто оттуда забирать их не собирается. Они будут организованы в войсковую ПВО.

КОНТРАКТНИКИ ПЛЮС ОФИЦЕРЫ

О переходе на один год службы. Это была инициатива не Министерства обороны. Но это потребовало пересмотра всей системы боевой подготовки. Поэтому что за один год как следует овладеть специальностью крайне тяжело. А порой невозможно. Это все прекрасно понимают. Новая структура Вооруженных Сил создавалась в принципе под контрактников. В соответствии с последним решением Верховного главнокомандующего мы вправе иметь в Вооруженных Силах 425 тысяч контрактников и 220 тысяч офицеров. Но проблема с контрактниками остается, поскольку от услуг многих из тех, которые были, мы отказались.

Ведь кто в основном становился контрактником до 2008 года? Это солдат, отслуживший полгода, которого уговорами, а то и угрозами заставляли подписать контракт. И он служил оставшееся время якобы контрактником, после чего спокойно уходил домой, не дослужив положенное. Ему хоть и мало, но платили (от 7 до 13 тысяч рублей), одевали, обували. То есть несли громадные расходы. К сожалению, с «гражданки» подготовленные специалисты не шли. Поэтому мы честно признали ошибочность такого подхода к организации контрактной службы.

Новые контрактники будут получать совсем другие деньги, тщательно отбираться и проходить соответствующее обучение в учебных центрах. Но только тот, кто сдаст экзамены и пройдет сито отбора, получит право подписать контракт. Нам нужны интеллектуально развитые люди, которые успешно смогут освоить сложные образцы нового вооружения. И 425 тысяч контрактников — только первый этап. В дальнейшем мы намерены увеличивать их число.

Взять опыт вооруженных сил Польши, Чехии. Солдат-контрактник там с 8 до 16 часов интенсивно занимается боевой подготовкой. Но после 16 часов он свободен до 8 утра, может жить в казарме или снимать жилье, за что ему доплачивается 400 долларов. В целом денежное довольствие польского контрактника — 1100 долларов (мы сейчас выйдем на такую же сумму для контрактника).

Данная система позволила и Чехии, и Польше иметь качественного солдата, решить вопрос с неуставными взаимоотношениями, забыть про беспокойство родителей за своих сыновей. В Чехии сейчас конкурс 15 человек на каждое место контрактника, в Польше — 25.

Определились мы и с численностью офицеров. Сейчас увеличиваем ее на 70 тысяч в соответствии с планом развития Вооруженных Сил до 2020 года. Нам говорят: мол, возвращаем уволенных. Ничего

подобного: выпускники военных училищ и академий пойдут на абсолютно новые должности во вновь образуемых высокотехнологичных войсках, которые сейчас создаем, в том числе в воздушно-космической обороне. То есть это будут прежде всего технические специалисты.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Первый вопрос. Как коррелируется военно-административное деление территории России и создание четырех объединенных стратегических командований с дислокацией внутренних, Пограничных войск, подразделений и воинских частей других силовых структур?

— Я пока не могу говорить о других силовых структурах, хотя Генеральный штаб должен координировать их действия. Этот вопрос мы сейчас ставим очень жестко, поскольку за последние 10–12 лет в этом отношении многое изменилось не в лучшую сторону. Каждое ведомство сейчас пытается развиваться самостоятельно. Внутренние войска, например, покупают свои средства связи, Вооруженные Силы — свои. В результате средства тратятся нерационально. Вряд ли это на пользу государству, обороне.

Что касается объединенных стратегических командований, то их дислокация утверждена руководством страны. Округа мы сдвинуть не можем и территории никуда не подвинем. Однако штабы ОСК при необходимости можно оперативно перебросить в любое место. Но вопрос вполне закономерный: могут ли другие силовые структуры перейти на это административное деление? Как он будет решен, покажет время.

Второй вопрос. Отвечают ли сегодня средства фронтовой авиации требованиям перспективных задач?

— Авиация должна наносить удары, не входя в зону ПВО противника. Но найдите мне хоть один самолет в России, который это может сделать. Наш Су-25 лишь за 600–800 метров наносит удар, а не за 60 или 100 километров. Иначе просто не попадет. Так же Су-24. У нас есть хорошие разработки, как применять авиацию, как действовать. Только действовать нечему. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы ВВС, ПВО, ВМФ имели такие средства, которые могли бы реализовать наши новейшие разработки и требования. Это серьезная проблема. Полетные задания и сводные данные должны учитывать всю структуру имеющегося вооружения и возможность его применения. Иногда мы не можем сделать это не потому, что не хотим, а по объективным причинам.

Третий вопрос. Почему участились нападки руководства Вооруженных Сил на оборонно-промышленный комплекс? Не настала ли пора создать в рамках Министерства обороны орган, который бы интегрировал проблемы строительства ВС РФ и оборонной промышленности?

— У нас в последнее время два человека сделали некорректные высказывания в отношении нашего ОПК — заместитель министра обороны Владимир Поповкин и главком Сухопутных войск генерал-полковник Александр Постников. По поводу чего в Министерстве обороны состоялся серьезный разговор.

В чем проблема? Мы представили, какие войны и конфликты могут быть в 2020–2025 годах. Эту работу провел Генеральный штаб. И мы поняли, какие для этого нужны войска, техника и вооружение. Их характеристики были прописаны в виде тактико-технических требований нашей промышленности и выданы в феврале 2010 года. Там прямо сказано, что ряд ее изделий не обеспечит выполнения поставленных на перспективу перед ВС РФ задач. Вот тут и возник коллапс. Многие производители не хотят или не могут выпускать перспективные ВВТ. Делают то, что Вооруженным Силам не нужно. Но покупать то, что армии не надо, Генеральный штаб больше не будет, как бы ни пыталась «оборонка» нас уговорить. Нравится это кому-то или нет.

Чтобы стало наоборот, наш ОПК должен модернизироваться. Эту тему, кстати, поднял на недавней коллегии Минобороны Верховный главнокомандующий. Он указал на непрозрачность цен продукции ОПК, другие перекосы. Танк Т-90, например, три года назад стоил 42 миллиона рублей, а сейчас — свыше 100. Откуда такая цена? Никто объяснить не может. Мы готовы и больше платить, но цена должна быть объективной, реальной!

Мы сейчас работаем с «оборонкой» над решением этого вопроса, есть орган, который ее координирует, — Военно-промышленная комиссия во главе с вице-премьером правительства.

Четвертый вопрос. Известно о создании учебного центра на Гороховецком полигоне, логистику и задачи для которого будет разрабатывать Германия. Это что, немощность нашей военной науки и «оборонки»? Или мы уже готовимся воевать по лекалам и стандартам НАТО?

— В Германии есть Магдебургский полигон — единый центр для подготовки войск бундесвера. Там на тренажерах может заниматься полностью развернутая механизированная бригада — от боевых подразделений до тыловых. Решение командира на бой закладывается в программное обеспечение комплекса. После чего вся бригада садится в тренажеры и ведет боевые действия. Работа каждого солдата, офицера фиксируется видеокамерой, которая сопряжена с компьютером. И так в ходе всех учений. Командир на экране видит, какое решение принимает условный противник, как он ему противодействует в реальном масштабе времени. Компьютер воюет против комбрига, солдата, механика-водителя, выдает объективную оценку. Это довольно эффективная система обеспечения, которую, не буду скрывать, мы закупили, установим на полигоне в Мулине. При этом программное обеспечение тренажера будет наше, российское.